

Йенс Зигерт

Арсению

К 70-летию

В этом есть какая-то странность, но я не могу вспомнить, как познакомился с Арсением. Помню только когда; это должно было быть в 1991 г. в Кёльне, в Фонде им. Генриха Бёлля. Арсений тогда вместе с Леной Жемковой и Олегом Орловым в рамках организованного Фондом для «Мемориала» легендарного «тура по тюрьмам» знакомился с пенитенциарными заведениями Северного Рейна – Вестфалии. Если правильно помню, он был в ту пору экспертом Комиссии по реформированию российских лагерей и тюрем. Какие времена!

Я же был начинающим журналистом тридцати с небольшим лет, другом Фонда им. Бёлля и готовил радиорепортаж о так называемых остарбайтерах. Однако интервью мне давала Лена Жемкова (запись сохранилась на кассете). А вот Арсения не помню. Очень странно. Потому что он уже тогда должен был быть главным.

Хотя, с другой стороны, все сходится. Потому что позже, в Москве, в «Мемориале» мне прежде всего бросилось в глаза, что Арсений из тех начальников, которые предпочитают держаться в тени. Злые языки могут сказать – кукловод. Конечно, так оно и есть. Все хорошие организаторы кукловоды. Но Арсений руководит – и внутри, и вовне – в первую очередь благодаря своему авторитету, знаниям и умению. Мне думается, что этот стиль руководства порожден глубинным опытом. Опытом как диссидентских времен, так и эпохи «Мемориала», доказывающим, что лучше всего именно так, а пожалуй, только так и можно удержать людей – на основе добровольности, под давлением опасности извне.

Этот стиль Арсения (если в данном случае уместно говорить о «стиле») объясняется не только практическими причинами. В его основе подлинный демократизм и уважение к каждому отдельному человеку. Насколько понимаю, и нынешняя, демократическая внутренняя структура «Мемориала» является производным от его демократичного подхода (как, разумеется, и других наших друзей). Именно это обстоятельство помимо неустанной и профессиональной содержательной работы делает «Мемориал» подвижным и одновременно стабильным. А точнее будет сказать так: именно эта внутренняя динамичность и вместе с тем противоречивость являются важнейшими условиями стабильности «Мемориала».

Тут придется забежать вперед. Где-то в первой половине 2000-х годов во время одной из множества дискуссий по выработке стратегии в узком кругу я назвал Арсения правозащитником. Он возмущенно возразил: «Я не правозащитник!» Чем немало меня озадачил. Борьба за права человека была и остается краеугольным камнем, на котором зиждется «Мемориал». А потом я понял. Правозащитник не имеет права ни на йоту отступить от своих принципов. Нарушение прав человека он должен везде и всегда называть нарушением прав человека. Это очень достойно, но с политической точки зрения не всегда практично. А Арсений очень практичный человек. Он мобилен, богат связями, пользуется авторитетом у друзей и – что, пожалуй, еще важнее – у противников, достаточно хитер, знает людей и знает, что такое сострадание к ним. Хотя иногда на его лице появляется ласковая хищная улыбка, от которой иному становится не по себе.

Однако вернемся к поре знакомства. В качестве журналиста перебравшись в 1993 г. в Москву, еще задолго до того, как в 1999 г. мне пришлось создавать представительство Фонда в Москве, я выполнял кое-какую работу и для Фонда им. Генриха Бёлля, став, так сказать, связующим с

«Мемориалом» звеном. Нелегкая была задача для еще довольно молодого, нового человека завоевать признание и серьезное отношение Арсения. Доверие нужно заслужить. Нужно везде, но особенно в таком травмированном обществе, как российское, где институты играют незначительную роль, личные же отношения – огромную.

До сих пор не знаю, чем именно я в конечном счете заслужил доверие Арсения. Знаю только, когда я впервые заметил, что двигаюсь в этом направлении. Это было в 1998 г. «Мемориал» тогда в рамках совместного проекта готовил к изданию книгу о советских оstarбайтерах в Германии во время войны – «Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942–1944». Меня попросили как представителя Фонда им. Генриха Бёлля написать к ней предисловие. Поскольку я преимущественно пишу на немецком, предисловие это, видимо, стало первым моим текстом, который прочитал Арсений. Его сдержанный комментарий звучал так: «А ты можешь писать!»

Примерно в это же время начало активно развиваться наше с ним политическое партнерство. Уже в 1990-е годы я раздражал многих представителей российских НПО, в том числе и Арсения, и других сотрудников «Мемориала», говоря, что они «делают политическую работу». Все как один резко это отрицали. «Делание политики» в кругах НПО считалось грязным, безнравственным и опасным занятием. Положение изменилось к концу 1990-х, когда политика нагнала НПО. При новом президенте Путине НПО быстро вошли в число объединений, которым, если они не хотели нажить себе неприятностей, надлежало подчиниться государству. И бывшая «аполитичность» НПО стала наивна и даже опасна.

Арсений понял это одним из первых. И вместе с коллегами начал выстраивать линию обороны российских НПО, причем и практически, и символически, т.е. политически. Незадолго до этого мы, «Мемориал» и Фонд им. Бёлля, придумали новую форму политического диалога, ставшую традиционной. Речь идет о встрече партнеров Фонда им. Генриха Бёлля. И важнейшим символом наступивших перемен явилась принятая осенью 2000 г. на первой такой встрече «Воскресенская конвенция», подписавшие которую НПО из самых различных сфер – экологи и правозащитники, женские группы и Общество защиты прав потребителей – заявили – насколько нам известно, впервые в России – о своей солидарности в случае посягательств государства. Текст Конвенции написал Александр Даниэль. Идея принадлежит Арсению. Практически же углубление солидарности между институтами гражданского общества породило созданную примерно тогда же «Народную ассамблею», собравшую за «круглым столом» известных представителей российских НПО. Кремль де-факто признал Народную ассамблею как партнера по переговорам, и таким образом в России, при ведущей роли Арсения, НПО утвердились как политический субъект.

Но важнее всего Арсений, конечно, «Мемориалу». Не в последнюю очередь его личный авторитет и порядочность способствовали тому, что в российском обществе «Мемориал» стал одной из важнейших инстанций в вопросах тоталитарного прошлого России. С этим приходится считаться даже российскому государству. Без благословения «Мемориала» и Арсения инициативы на этом поприще рискуют прослыть сомнительными.

У «Мемориала» немало непримиримых противников. Но Арсений у всех вызывает уважение. Может быть, сегодня в России это труднее всего.